

Гарри не понимал, почему он не испытывает большей гордости, рассказывая Салазару о том, что произошло летом. Он знал, что добился хорошего прогресса в их планах, но это все еще казалось пустым. В его действиях чувствовалось явное отсутствие сентиментальности. Постоянные саморефлексии с тех пор, как ему приснился сон с красной женщиной, привели Гарри в замешательство относительно того, кем он был и чего хотел. Возможность того, что его цели и амбиции не соответствовали тому, кем он был на самом деле, за последние несколько месяцев отбрасывала длинную тень.

Атмосфера в кабинете Салазара была необычайно мрачной. Простота этого места всегда придавала ему некоторую серьезность, что-то, что сияло внутри вместо внешней помпезности внешних слоев Палаты. Это была должность одинокого и интеллигентного человека, и, как и с такими людьми на протяжении всей истории, тонкая оболочка сожаления прилипла к каждой поверхности, как скопившаяся пыль. Существует прочная связь между интеллектом и гиперсознанием всех мировых трагедий, которая исходит из способности видеть паутину проблем, лежащих в основе тривиальности повседневной жизни. Было только два типа людей, с которыми можно было найти такой самоанализ: яростно умные и тяжело обремененные.

Гарри никогда не считал себя умным, хотя и знал, что голова у него лучше, чем у большинства людей его возраста. Многие взрослые почерпнули что-то неразборчивое, что увеличило вес его присутствия. Он, конечно, этого не знал, но контраст между прекрасными изумрудными глазами и тем, что таится под ними, утомлял достаточно проницательных людей, как будто он был чужим. Житель зловещей долины; ребенок глазами взрослого. Сферы, которые, если смотреть под правильным углом, тускнеют от такой боли, что их невозможно игнорировать.

Салазар заметил, что голос мальчика стал менее решительным и более глухим, когда он переписывал ему летние события. Конечно, многое он уже знал, поскольку читал дневник мальчика. Бэзил весело посмотрел на него, когда Гарри ушел прошлой ночью, зная, что больше не было причин шпионить за мыслями мальчика. Это, конечно, не означало, что он остановится. Это был слишком ценный ресурс.

Основатель почувствовал внутри себя колодец печали, что-то, что обычно не ассоциируется с портретами, волшебными или какими-либо еще. Вынужденное расставание с юностью всегда болезненно, и Гарри ему нравился. Мальчик заслужил немного счастья в своей жизни, и Салазар видел, как Гринграсс смотрел на него, когда Гарри не обращал на него внимания. У Гарри мог быть шанс быть счастливым с девушкой или с другой, о которой он упоминал в своем дневнике, но это никогда не было бы детским счастьем. Радости Гарри, чья душа несла то же бремя, что всегда несли одинокие и умные люди, такие как Салазар, никогда не будет простоты. Жизнь, окрашенная в миллиарды оттенков серого, может дать вам самое точное представление о горизонте, но она никогда не превзойдет красоту красочного заката.

Часть Салазара ненавидела себя за это, но он знал, что это неизбежно. Если бы не он, это был бы Дамблдор или, что еще хуже, Риддл. Тем не менее, не было грандиозной отправки военного корабля с дорогой бутылкой шампанского и церемонией перерезания ленточки, когда невинность Гарри умерла. Только тишина в кабинете Салазара.

Конечно, ничто не могло спасти невинность мальчика после того, как он вступил в Волшебную Британию. К тому времени, когда Квиррелл умер, мальчик уже не был таким невинным, каким должен был быть одиннадцатилетний. Однако существовала разница между интеллектуальным пониманием того, что кто-то больше не чист, и глубоко укоренившимся принятием этого факта, и последнее произошло летом.

Принятие потери своей невинности приходит со слишком большим осознанием своей

неизбежной смерти. Это что-то эксклюзивное для людей. Другие виды, конечно, понимали, что больше не жить, но даже змеи, с которыми Салазар так сильно отождествлял себя в своей жизни, не могли об этом задумываться. Размышления о реальности как человека всегда останавливались у непроницаемой стены энтропии, то есть осознания того, что все, что ты знаешь, умрет. В молодости Салазар восстал не против идеи смерти, как Риддл, а против представления о том, что можно определить свою жизнь, только играя контраст со своей смертью. Определение через оппозицию всегда казалось юному Салазару дурацкой авантюрой, эмоциональной ловушкой, в которую попадут те, кто недостаточно умен, чтобы понять мир. Он считал смешным, что нужно пережить печаль, чтобы оценить счастье, потерю, чтобы понять любовь, темноту, чтобы увидеть свет. Он знал, что есть способ определять вещи по тому, что они есть, без сравнения с внешними факторами. Но прошли годы, и это убеждение умерло, пока он наконец не осознал, что тоже жил с нависшей над ним тенью смерти. Животное принятие смерти как части своего существования не приходит к людям, как к змеям и другим животным. Даже несмотря на то, что почти каждый иногда смиряется с этим, хотя и в запутанной и неуверенной манере, в которой люди всегда имеют дело со сложными вещами. Он знал, что есть способ определять вещи по тому, что они есть, без сравнения с внешними факторами. Но прошли годы, и это убеждение умерло, пока он наконец не осознал, что тоже жил с нависшей над ним тенью смерти. Животное принятие смерти как части своего существования не приходит к людям, как к змеям и другим животным. Даже несмотря на то, что почти каждый иногда смиряется с этим, хотя и в запутанной и неуверенной манере, в которой люди всегда имеют дело со сложными вещами. Он знал, что есть способ определять вещи по тому, что они есть, без сравнения с внешними факторами. Но прошли годы, и это убеждение умерло, пока он наконец не осознал, что тоже жил с нависшей над ним тенью смерти. Животное принятие смерти как части своего существования не приходит к людям, как к змеям и другим животным. Даже несмотря на то, что почти каждый иногда смиряется с этим, хотя и в запутанной и неуверенной манере, в которой люди всегда имеют дело со сложными вещами.

Сложность всегда была причиной падения человека. Люди капитализируют свои самые ценные вещи в короткие эпитеты, которые не дают никакого представления о реальности: Любовь, Мир, Семья. Тем не менее, любовь становится эмоциональным заложником и может принести самую острую боль в мире, когда вы не обращаете внимания. Добиться мира можно только путем тихого молчаливого согласия на подчинение, потому что конфликт находится в самом сердце общества, и желать чего-либо вслух — значит соревноваться за это с другими. Семья приносит головные и душевные боли от фамильярности незнакомых людей с той же струящейся кровью и проклятием безграничной привязанности к людям с таким же количеством недостатков, как и все остальные.

Не в первый раз Салазар сетовал на то, что портретов Лили Поттер не сделали. В мире, где люди были бы вынуждены смотреть на шрам Гарри, женщина была бы единственной, кто сосредоточился бы только на его глазах. Предполагалось, что магические портреты не способны испытывать настоящие эмоции, а всего лишь какой-то смутный зуд в их существах, что делало их плохим факсимиле. Однако Слизерин подозревал, что это не было бы проблемой для женщины, чья любовь была настолько велика, что раньше создавала магическую невозможность. Больше, чем кто-либо другой, Гарри заслуживал испытать радость любви без корыстных побуждений, прежде чем он мог бы стать мужчиной, но сейчас это было невозможно.

Слизерин мог бы понять боль утраченной любви лучше, чем почти все на Земле, но нет ничего лучше осознания того, что нет никого, чья любовь была бы безоговорочной или условной. Родительская любовь. Гарри потеряет любовь в своей жизни — в какой-то момент это

случается со всеми, — но он потерял семейную любовь так рано после своего рождения, что никогда не испытал ее с принимающей стороны.

— Многое произошло, — наконец тихо сказал Салазар, нарушая торжественную тишину.

— Верно, — равнодушно сказал Гарри. «Оглядываясь назад, я задаюсь вопросом, правильно ли это делать».

«Нет такой вещи, как правильный поступок», — тихо ответил портрет. «То, что лучше всего».

«Мои родители гордились бы тем, что я делаю?» — неуверенно спросил Гарри, выражение уязвимости отразилось на его лице.

'Ах', - подумал Салазар. «Вот о чем идет речь».

— Не знаю, — честно сказал он, говоря быстрее, чем обычно, чтобы смятение Гарри не врезалось в его память. «Я думаю, это то, о чем ты должен спросить Сириуса. Но я подозреваю, что твои родители будут счастливы, что ты пытаешься быть самим собой».

«Как я могу пытаться быть собой, если я не знаю, кто я?» — спросил Гарри с безрадостным смехом, который плохо скрывал подспудное отчаяние.

— Надеюсь, ты читал книги, которые я тебе дал, Дитя? — серьезно спросил Салазар, пытаясь поймать взгляд Гарри своим. Мальчик не унимался и продолжал уныло смотреть на стол.

— У меня есть, — наконец сказал он с тяжелым вздохом. — Но я не знаю, насколько это может мне помочь, Салазар.

— Есть причина, по которой я так настаивал на том, чтобы ты попытался понять, кто ты и во что ты веришь, Чайлд, — властно сказал Слизерин, вынуждая Гарри вопросительно посмотреть на него.

— Я думал, это из-за того, что ты не хотел, чтобы я стал таким, как Риддл? Гарри нахмурился.

— Верно, — кивнул Салазар. «Оглядываясь назад, это была глупая мысль. Несмотря на внешнее сходство, вы не похожи друг на друга. Слияние ваших личностей могло бы править миром по щелчку пальцев, но по отдельности вы никогда не были бы прежними».

— Не знаю, как к этому относиться, — слабо признался Гарри.

«Я тоже, но мы не должны сильно сомневаться в достоверности гипотез», — сказал Слизерин, пренебрежительно махнув рукой, прежде чем снова стать серьезным. «Вы когда-нибудь слышали об искусстве разума?»

«Билл рассказал мне кое-что о них, но ничего не объяснил», — сказал Гарри, слегка нахмурившись, освежив память.

— Я упомянул тот факт, что Дамблдор практиковал окклюменцию и легилименцию в прошлом, но я не дал этому контекста. Это сложная ветвь магии, которую даже те, кто занимается ею, не понимают по-настоящему, — медленно сказал Салазар, приняв на себя его профессорский вид. Гарри скрыл улыбку. Он скучал по портрету в своей жизни. «В мое время отпрыски могущественных и богатых семей часто изучали их, чтобы защитить свои секреты».

«Как магия помогает вам защищать секреты?» — с любопытством спросил Гарри. «Я могу

думать только о Фиделиусе, и это чары, а не магия разума».

«Окклюменция работает, среди прочего, как барьер, защищающий ваш разум от чужеродного влияния, вызванного легилименцией», — объяснил Салазар, оставив большой пробел после своего приговора. Всякий раз, когда он это делал, Гарри приглашал задуматься над словами и прийти к заключению. В тот момент их партнерства Гарри сделал это автоматически.

Прошло несколько секунд, прежде чем Гарри побледнел. Он чувствовал себя невесомым, как будто ничто больше не привязывало его к реальности, и когда он поднял голову, чтобы посмотреть на Салазара, он почувствовал, как его мозг плавает в жидком хлопке вокруг черепа, вызывая сильную головную боль.

— Ты хочешь сказать, что Дамблдор может читать мысли людей? — спросил Гарри с обманчивым спокойствием, внутренне пошатываясь от этой информации. Если директор решит заглянуть ему в голову, весь план Гарри сгорит дотла.

«Это сложнее, чем чтение мыслей, но это адекватное резюме», — сказал Салазар с столь же неподходящим спокойствием в быстро нарастающей обстановке.

— И почему ты не сказал мне об этом раньше? — спросил Гарри угрожающе тихим голосом, его тело было бледным и достаточно неподвижным, чтобы его можно было принять за мраморную статую.

«Самая удивительная вещь в магии — это ее гибкость», — терпеливо начал Салазар, наблюдая, как выражение лица Гарри тут же замерло, когда он начал лекцию. Однако Основатель не сдавался. «Мы создаем систему организации и осмысления магии, чтобы она могла быть хорошо понята средним магом, но для тех, кто блуждает глубже, магия является средством реализации. Определение — мать всех ограничений, а магия не знает ограничений. ... Он набрасывается на ограничения, наказывает за легкость категоризации и отрекается от тех, кто хочет доминировать над ним. Подумайте о том, как плавно смешиваются предметы Заклинаний и Защиты от темных искусств, или о том, как вы не можете разделить Гербологию и Зельеварение в отдельные сущности. Хогвартс, мы создаем классы и делим знания на группы по годам, потому что обычному волшебнику невозможно соединиться с абстракцией магической энергии. Одно и то же заклинание можно использовать совершенно по-разному, и вы можете манипулировать магией, чтобы создавать разные версии одной и той же основы. Все зависит от важности намерения.

«Теперь примите во внимание тот факт, что мы имеем дело с чем-то, что называется Искусствами Разума. При всей гибкости магии и принимая во внимание, насколько велика ваша сила, можете ли вы представить, что вы можете сделать со своим разумом, если вы изучите окклюменцию до того, как вы готовы? Вы в буквальном смысле будете формировать свой разум и эмоции, что делает это невероятно опасной областью изучения. Большинство тех, у кого есть даже минимальный опыт окклюменции, тренируются с простой целью защитить свой разум. Потому что они не верят чтобы быть полезным для чего-то большего, это не опасное предприятие. Однако, чтобы вы могли полностью раскрыть свой потенциал, вы должны в конечном итоге освоить окклюменцию и хотя бы немного попробовать легилименцию, поэтому самопознание жизненно важно. Погружение в искусство разума без знания того, кто вы и во что вы верите, может заставить вас манипулировать своим разумом без вашего ведома, лишив вас вашей личности».

— Мерлин, — пробормотал Гарри после долгого молчания, дрожа как лист. Мысль о том, что он непреднамеренно превратится в мешанину абстрактной магии, пугала его чуть меньше, чем

дементора.

«Причина, по которой вы должны попытаться понять, кто вы есть, заключается в том, что вы должны безопасно изучать окклюменцию», — серьезно сказал Салазар.

«Почему это важно?» — дрожащим голосом спросил Гарри, ничуть не чувствуя себя комфортно из-за риска буквально сойти с ума. «Почему я не могу просто выучить основы, как все остальные, и покончить с этим?»

— Дитя, окклюменция — слишком полезный ресурс, чтобы его игнорировать, — вздохнул слизеринец, грустно глядя на Гарри. «Говорить, что это обеспечивает защиту от внешнего вторжения, верно, но это наименее полезный аспект этой ветви магии. По правде говоря, пределы силы окклюменции почти безграничны. более ясно думать об окружающих вещах, сможет персонализировать магию и манипулировать ею, а также ориентироваться в своих эмоциях, не теряя из виду, что они из себя представляют. попробуй понять, кто ты».

«Я не понимаю, как этика может помочь мне в этом», — тихо признал Гарри, снова думая о своем сне после разговора с Биллом и задаваясь вопросом о значении красной женщины.

«Это всегда казалось мне хорошим источником размышлений», — небрежно сказал Салазар. «Ни в коем случае не отказывайтесь от него, но найдите другие вещи, которые помогут вам, если это будет необходимо».

"Что мне теперь делать?" — спросил Гарри после нескольких минут размышлений.

«Ты можешь начать изучать основы защиты своего разума», — сказал Салазар, приказывая змее принести ему книгу на эту тему. «Узнайте, как медитировать и как очищать свой разум. Каждый волшебник, путешествующий по этим землям, сталкивается с важным вопросом о происхождении вашей сущности. часто можно увидеть, как они размышляют о том, являются ли люди мозгом с телом или телом с мозгом. В «Волшебной Британии» есть похожая проблема, хотя она принимает другое измерение. Потому что в «Волшебном мире» есть математическое доказательство существования души. Британия, вы должны решить, где находится ваша сущность: в вашей душе или в вашем разуме». "Какая разница между ними?" — с любопытством спросил Гарри.

«Это помогает определить, что вы думаете о себе», — уклончиво ответил Салазар. «Тот, чье внимание исходит из его души, будет вести себя иначе, чем тот, чей разум доминирует при аналогичных обстоятельствах».

— А как мне узнать, кто я?

— Размышляя, конечно, — сказал Салазар, приподняв бровь. «Теперь начинайте».

У Батшеды Бэббллинг не было такого сурового вида, как у МакГонагалл, но никто не мог сказать, что она была такой же расслабленной, как Флитвик. У женщины была спокойная аура вокруг нее, и ее взгляд был ровным и уверенным. Ее пассивное выражение лица было приветливым, но не теплым, а голова слегка наклонялась, когда она изучала своих учеников, как кошка, смотрящая на блестящий предмет.

В третьем классе с Гарри было не так много четверокурсников. В конце концов, ему не удалось убедить МакГонагалл, что он может пропустить весь первый год, но они достигли предварительной договоренности, что посмотрят на его успехи и решат, что делать позже. Это

было соглашение, которое она всегда заключала со своими гриффиндорцами, но то, как мягко она сказала, что Лили гордилась бы тем, что Гарри старался изо всех сил, было далеко от стандарта МакГонагалл. Гарри не стыдился признать, что мысли о том, что он заставляет маму гордиться, сделали его день намного лучше.

Итак, теперь он сидел между Невиллом и Сьюзен Боунс. Было забавно, что верность Дому отошла на второй план по сравнению с верностью одноклассникам, но Гарри нравилась Сьюзен, и это чувство казалось взаимным. Кроме того, Невилл выглядел так, будто знал симпатичную рыжую достаточно хорошо, чтобы импровизированное трио могло удобно расположиться рядом друг с другом. За ближайшим к двери столиком сидела пара четверокурсников Рейвенкло рядом со слизеринцем, имя которого Гарри никак не мог назвать.

— Добро пожаловать, все, на изучение древних рун, — сказал профессор спокойным голосом с намеками на иностранный акцент, который Гарри не мог определить. «Я всегда считал, что прежде чем мы сможем углубиться в эту тему, вам жизненно необходимо понять, почему она так важна и что вы можете сделать с полученными здесь знаниями. Так вот, руны — это не что иное, как алфавит. В каком-то смысле в словах нет ничего магического по своей сути, независимо от контекста. Слова — это проводники, порталы для манипулирования магической силой. Но это все, чем они являются. магия, не произнося слов вслух.

«Из этого, конечно, возникает очень справедливый вопрос. Если руны — это просто изучение вымерших диалектов, зачем беспокоиться? Ну, чтобы упростить очень сложную дискуссию среди магических ученых, руны обеспечивают гораздо лучшую связь с магией, чем Латинизированный английский язык обычно ассоциируется с заклинаниями и проклятиями. Теперь это полезно во многих отношениях. Для тех из вас, кто мыслит материально, магическое подмножество зачарования широко использует руны для создания постоянных магических объектов или придания обычным объектам постоянных магических характеристик. Может ли кто-нибудь назвать такой объект в вашей повседневной жизни?»

— Палочка, мэм? — спросила худощавая брюнетка Рейвенкло после того, как ее узнали.

«Нет, мисс Блихен. Вандлор гораздо ближе к Уходу за магическими существами, чем к любому другому предмету в Хогвартсе, но дело в том, что это специализированная ветвь магии, не похожая ни на какие другие. Есть другие предположения?»

«Что-то на одежде можно исписать рунами, верно?» — спросил толстый пuffedуец из угла комнаты.

«Вы правы, мистер Фарли, но одежду чаще зачаровывают, чем исписывают рунами. Магическая ткань плохо сочетается с большинством рунических систем по причинам, которые мы рассмотрим позже, и

Зачарование обычно может заставить швы ткани увядать быстрее. Только особая одежда, вроде плащей Визенгамота, сильно руническая, — женщина огляделась и указала на слизеринку, которая подняла руку.

— Метлы, — уверенно сказала девушка.

«Очень хорошо, мисс Роул. Возьмите пять баллов за Слизерин», — сказал профессор с легкой улыбкой, заставив девушку прихорашиваться для комплимента. «Действительно, метлы, пожалуй, самые распространенные

Зачарованный предмет в домах людей. Другие примеры включают

Wizarding Wireless, каминная система, омут памяти и многое другое».

Профессор повернулся к доске, и взмахом палочки в разделе «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВНИХ РУН» появилось слово «Зачарование».

«Хотя наложение чар, возможно, является одним из наиболее частых применений

Руны, это не самые используемые. На сегодняшний день самое популярное использование для

Руны нужны для создания систем защиты, — сказал Баббллинг, еще одним взмахом палочки включив предмет на доску. — Самая распространенная защита — защита от аппаратов. Я уверен, вы все знаете, что, например, в Хогвартсе невозможно аппарировать. Это потому, что в Хогвартсе одни из самых сильных и старых антиаппарационных щитов в стране. Есть и другие способы использования вардов. Кто-нибудь может назвать?»

Сьюзен подняла руку, и Батшеда указала на нее. «Вы можете установить охрану конфиденциальности, чтобы люди не могли заглянуть в комнату, и есть ограды, которые защищают дома от людей со злыми намерениями».

«Пять баллов, мисс Боунс. Я должен был знать, что Амелия научит вас кое-чему по этому предмету. Не могли бы вы рассказать мне, как система защиты может определить, есть ли у кого-то злой умысел?»

Когда в комнате воцарилась тишина после того, как Сьюзан медленно покачала головой, профессор лишь безмятежно улыбнулся.

«Не волнуйтесь, ученики, я не ожидал, что вы это знаете. Есть много способов, которыми вы можете использовать руны, чтобы определить чьи-то намерения. Один из самых простых способов — в руническом алфавите Старшего Футарка. Если вы объедините руны Перпо, означает секреты или тайну, с руной Thurisaz, означающей шип или защиту, у вас есть база для отпугивания тех, кто имеет злые намерения. Магия может интерпретировать комбинацию как фразу «защитить от тех, кто держит свои действия в секрете». Он хорошо приспособлен, например, для пресечения мелкого воровства, но ты бы не стал использовать его для защиты своего дома, — сказала женщина, приняв мрачную позу и написав на доске семь рун.

Уруз Альгиз Феку Ингуз Перпо Турисаз Эйхвас - самая распространенная семируническая система для защиты дома. Одно из толкований этой системы - «дай силу (Уруз) и защиты (Альгиз) мое богатство (Феку) и очаг (Ингуз), защити (Турисаз) от тех, кто держит свои действия в тайне (Перпо) и приносит им смерть (Эйхвас)». Наступила абсолютная тишина, когда слова женщины просочились в мозги студентов, и даже Гарри стало не по себе, глядя на доску. «Теперь вы можете удивиться, почему я рассказал вам то, чем вы можете фатально злоупотребить уже на первом уроке. Ответ заключается в том, что у вас нет абсолютно никаких шансов написать и привести в действие систему из семи рун, потому что вам нужно дать рунам правильную Как я уже сказал, одна из интерпретаций этой системы такова:

«Смысл этого упражнения в том, чтобы показать вам, что руны — чрезвычайно гибкая часть магии, и их можно использовать как душе угодно. Настоящему мастеру рун всегда будут поступать предложения о работе, будь то обереги, снятие проклятий, зачарование, алхимия или что-то еще, — сказала женщина, оглядывая класс, прежде чем хлопнуть в ладоши, и мрачное настроение испарилось. «Ну что, начнем, не так ли? В первый год вашего пребывания со мной мы будем изучать старший футарк и его преемника, англо-саксонский рунический алфавит. иероглифы и показать, как можно смешивать их с более знакомым старшим футарком для получения захватывающего эффекта».

Гарри почувствовал странную смесь страха и возбуждения. Лекции казались блестящими, и он достаточно хорошо понял, как обращаться с рунами с помощью своих книг, но что-то подсказывало ему, что это будет сложнее, чем он предполагал.

— Я не знал, что ты любишь руны, Нев, — сказал Гарри, когда они вышли из класса через час. Гарри чувствовал себя чрезвычайно энергичным и смотрел на рунический алфавит в своих заметках с большим благоговением.

— Вообще-то нет, — сказал мальчик, слегка покраснев от смущения. «Бабушка сказала, что мне нужно научиться чему-то, в чем я хорошо разбираюсь, и предложила сменить факультативы. Мне не нравилось предсказание, так что...»

Когда мальчик замолчал, Гарри не мог не нахмуриться. Если он правильно истолковал слова Невилла, бабушка оскорбила его друга в лицо. Гарри знал, что у Невилла проблемы с самооценкой, но не думал, что это связано с его семьей. Собственно, почему Невилл никогда не говорил о своих родителях?

«Я не хотела брать руны, пока тетя не объяснила, что они со мной сделали», — пожалала плечами Сьюзен. «Я понятия не имел, что они так полезны. Она сказала мне, что авроры, знающие свои руны, очень востребованы».

"Действительно?" — с любопытством спросил Гарри. Он не мог понять, как авроры могут использовать именно руны. У Гарри сложилось впечатление, что руническая магия отлично подходит для точечной защиты, но ее нельзя использовать в крайнем случае, потому что для вырезания символов требовалось много времени. "Как же так?"

«Ну, она сказала, что если вы участвуете в миссии по проникновению, знание рун может помочь вам отразить враждебную защиту», — задумчиво сказала Сьюзан. «Кроме того, представляешь, сколько еще урона ты сможешь поглотить, если сумеешь поднять рунический щит?»

— А разве для этого не нужно много времени? — с любопытством спросил Гарри.

— Да, но если ты знаешь, что он тебе понадобится, ты можешь приготовить его заранее, — заметил хаффлпаффец. «Это не длится вечно, так что вы не можете просто носить с собой руническую магию все время, но полезно, если у вас есть время на подготовку».

— С рунами в гербологии можно многое сделать, — заметил Невилл с возбужденным блеском в глазах. «Вы можете управлять погодой в теплице, чтобы сажать тропические растения везде, где вам нужно, или стимулировать их более быстрый рост».

«Разве растения не обладают магической чувствительностью?» Сьюзен нахмурилась, пытаясь вспомнить лекции своего декана.

— Некоторые из них да, — кивнул Невилл. «Одна из теплиц здесь, в Хогвартсе, представляет собой волшебную мертвую зону. Вы даже не можете войти туда с палочкой, и профессор Спраут — единственный, кто может туда попасть. Даже Дамблдор не знает, как ухаживать за растениями внутри. .»

— Мерлин, — одобительно присвистнул Гарри. «Я даже не могу представить, какие там растения внутри».

— Я тоже, — сказал Невилл с мечтательным выражением лица. Гарри и Сьюзен обменялись

улыбками на притворство мальчика. «Ну, мне пора делать эссе по Зельям. Увидимся в DADA, Гарри».

Двое оставшихся четверокурсников смотрели, как гриффиндорец направляется в библиотеку.

"Теперь у тебя тоже есть Арифмантика, верно?" — спросила Сьюзен, глядя на Гарри.

— Ага, — смущенно сказал он. «Я не знал, что ты тоже поменял все свои факультативы».

«Мне не нравилась Care», — призналась она, пожав плечами. «Я понимаю, почему это важно, но это просто не для меня, понимаешь? Тебе это не нужно для обучения авроров, поэтому я решил отказаться от него».

«Я понимаю, почему Забота не для всех», — кивнул Гарри, идя рядом с девушкой, пока они шли по замку.

«Мы не все такие, как вы, очаровывающие гиппогрифа на нашей первой лекции», — дразняще усмехнулась Сьюзан.

— Ну, знаешь, я очаровашка, — улыбнулся Гарри, заставив девушку весело фыркнуть. Они шли в комфортной тишине, прежде чем Гарри продолжил. — Значит, ты хочешь быть аврором?

"Да", Сьюзен кивнула с решительным блеском в глазах. «Моя тетя много работает в DMLE, и я знаю, как сильно она хочет защищать людей. Я хочу делать то же самое».

«Это очень благородная причина, Сьюзан», Гарри слегка усмехнулся, и девушка улыбнулась в ответ, прежде чем помрачнеть.

«Я не хочу, чтобы детям пришлось жить с тем, через что пришлось пройти мне, тебе и Невиллу», — решительно заявила она.

"Что ты имеешь в виду?" — спросил Гарри, нахмурившись.

"Ты не знаешь?" Девушка ответила удивленным голосом. «Они называют нас троих сиротами войны».

"Что?" Гарри слабо прохрипел, глядя на рыжую широко раскрытыми глазами. "Ты имеешь в виду?"

— Да, — серьезно кивнула девушка. «Мои родители погибли на войне. Мой старший дядя и вся его семья тоже погибли. Остались только я и тетя».

— Я не знаю, что сказать, — грустно признался Гарри через некоторое время. Он думал, что был единственным студентом на их курсе, потерявшим семью, но, конечно же, это было не так. В конце концов, это была война.

— Все в порядке, Гарри, — мягко сказала она. — В отличие от всех, ты понимаешь, что я чувствую. Я тоже не знаю, что сказать о твоих родителях. Все говорят, как им жаль, но никто из них этого не понимает.

Гарри лишь рассеянно кивнул, но его мысли были в другом месте. Это правда, что большинство людей его возраста понятия не имели, как бороться со смертью, и он солгал бы, если бы сказал людям, что знает лучше. Тем не менее, он привык к понятию потери, будучи сиротой, так что он действительно мог понять слова Сьюзен. Люди не знали, каково было потерять своих

родителей в таком юном возрасте, и их соблезновения казались ему пустыми, особенно когда вся школа настаивала на ежегодном праздновании дня их смерти.

— Невилл тоже потерял своих родителей? — спросил Гарри через некоторое время. Он знал ответ, если люди называли их Сиротами войны, но тишина тяготила его разум, и ему хотелось о чем-то поговорить.

— Не знаю, завидую я Невиллу или нет, — мрачно сказала Сьюзен. «Родители Невилла не мертвы, но они в больнице Святого Мунго. Пожиратели смерти замучили их до безумия».

"Что?" Гарри кашлянул, выглядя испуганным. Рыжая лишь мрачно кивнула. Гарри почувствовал огромную жалость к своему другу-гриффиндору, а затем прилив стыда за то, что раньше не спросил о его родителях. Он должен был заметить по тому, как он всегда говорил о своей бабушке, и по тому, как Дафна говорила, что Августа является регентом Лонгботтома. Он чувствовал себя невероятно глупым и невнимательным.

— Ненавижу Пожирателей Смерти, — с ненавистью прорычала Сьюзан, крепко сжимая книги.

— Ты не один, — мрачно пробормотал Гарри, думая о своих родителях. Решимость заставить маму гордиться им возросла, но была испорчена стальным стремлением к справедливости против Риддла.

Пара сирот молча подошла к классу арифмантики. Они были единственными присутствующими четверокурсниками и сидели за письменным столом в углу, где никто из третьекурсников не хотел с ними разговаривать. Гарри застонал, заметив, как Колин Криви восхищенно смотрит на него через всю комнату.

— Это любимый урок Гермiony, — сказал Гарри, пока они доставали учебники и ждали прихода учителя.

"Это и половина мальчиков в школе", сказала Сьюзен с ухмылкой. Гарри сухо фыркнул, но больше ничего не сказал. Септима Вектор и Аврора Синистра были самыми молодыми профессорами Хогвартса. Однако лекции последней были суровыми и проводились в неурочные часы по сравнению с остальным Хогвартсом, поэтому она не была популярным учителем. Напротив, Вектор была профессором с наибольшим количеством поклонников в школе, но это не имело никакого отношения к ее лекциям. Многие студенты мужского пола брали арифмантику только для того, чтобы быть рядом с самым молодым учителем в Хогвартсе, а затем сразу же бросали, потому что предмет был очень сложным, и Гарри мог понять этот жест. Женщина была красива, но больше всего его поразило то, как молодо она выглядела. Умом Гарри понимал, что все его учителя когда-то были молодыми, но это не вписывалось в его мировоззрение, в котором МакГонагалл родилась пятидесятилетней женщиной, а Дамблдор никогда не был моложе восьмидесятилетнего возраста. Вектор был вопиющим возражением против этого суждения, потому что женщина была явно на их стороне тридцати.

Когда прибыл профессор, весь класс погрузился в молчание, пока она шла к зеленой доске. В отличие от своих коллег-учителей, она писала на доске вручную мелом.

«Всем привет», — тепло улыбнулась она ученикам. «Я профессор Септима Вектор, и я преподаю арифмантику здесь, в Хогвартсе. Мой предмет имеет репутацию довольно сложного, но вам не нужно его бояться, как и любой другой предмет. Я понимаю, что среди вас, воспитанных волшебниками, могут быть некоторые трудности по сравнению с маглорожденными, но к концу года это преимущество исчезнет.

Гарри удивленно моргнул при мысли о предмете, в котором магглорожденные имеют преимущество. Он задавался вопросом, повлияло ли это каким-то образом на решение Гермионы, что это ее любимый предмет в школе.

«Пожалуйста, оставьте свой вопрос до конца лекции, хотя бы на сегодня», — указала женщина, рассеянно играя мелом. «Я начну лекцию с того, что расскажу вам, почему арифмантика важна для вашего будущего, а затем я открою зал для вопросов. Что-нибудь, что вы хотите получить от своих систем, прежде чем я начну?»

Когда никто не пошевелился, чтобы что-то спросить, женщина радостно улыбнулась. «Замечательно. Давайте начнем. Арифмантика — это, по сути, изучение магических свойств чисел. Само по себе это предложение бессмысленно. Однако числа дают нам точный и научный метод понимания окружающего мира, и это не исключает сама магия. Хотя тайные секреты магии, скорее всего, навсегда останутся недоступными для нас, мы можем создавать, тестировать и управлять магией с помощью арифмантики. их имена. Это использование арифмантики позволяет достичь такого уровня различения.

«Если вы возьмете, например, заклинание левитации, Вингардиум Левиоса, у вас могут возникнуть трудности с наложением его в первый раз, потому что вы не могли правильно произнести его или потому что ваши движения палочки не следовали должным правилам. Но также известно, что опытные волшебники и ведьмы могут произносить то же самое заклинание без слов и без движения жезла. Реальность такова, что вы можете сделать что угодно, не используя заклинания или жезл, но чем изощреннее действие, тем оно сложнее. Если вы находитесь дальше от намеченного объекта, становится сложнее. То же самое верно, если цель тяжелее или сложнее. В этом сценарии Арифмантика используется, чтобы уменьшить нагрузку на вашу магию и позволяет вам использовать ее многократно и последовательно. Каждое заклинание, каждая палочка движение, каждое имя было проверено с помощью арифмантики.»

Класс смотрел на учителя с благоговейным трепетом — Гарри был бы так же поражен, если бы Салазар уже не дал ему это объяснение, говоря о том, что он змееуст — и женщина улыбнулась их энтузиазму, прежде чем продолжить. Блондинка Рейвенкло смотрела на учительницу широко открытыми глазами с такой напряженностью, что Гарри не мог не заметить ее.

— Арифмантикой пользуются не только ткачи заклинаний, — сказал Вектор, моментально заставив блондинку напрячься и начать слегка дрожать. Гарри озабоченно нахмурился и сделал пометку следить за странной реакцией. «Его можно использовать во многих вещах, от алхимии до гадания и защиты. Числа дают нам окно в душу магии, и вы должны относиться к ним с подобающим почтением, как к лучшим беспристрастным судьям, которые у нас есть по предмету тайной магии. А пока мы поговорим о самых важных магических числах и о том, что они представляют».

Когда изнурительный урок закончился, профессор громко позвал:

— Мисс Лавгуд, не могли бы вы остаться на минутку, пожалуйста? Маленькая светловолосая девочка рядом с Гарри по-совиному моргнула большими серебряными глазами и с минуту кивнула, спокойно подойдя к стойке регистрации. Гарри заметил, что вокруг ее лица и сумки красуются разноцветные безделушки — это что, редиска вместо сережки?

Покачивая головой из-за странного выбора одежды, отметив, что это даже близко не было самой абсурдной вещью, которую он видел с тех пор, как начал учиться в Хогвартсе, он присоединился к Сьюзен, которая выглядела измученной.

— Я ненавижу простые числа и все, что они представляют, — устало пробормотала она. «Я не заслуживаю страдать от этого».

«Это было сложнее, чем я ожидал для первого урока», — признался Гарри, нервно вспоминая домашнюю работу Гермионы за предыдущий год.

«Проблема с арифмантикой в том, что она кажется чертовски полезной», — простонала она. «Но затем у вас есть абзац о значении числа три и о том, как оно соотносится с треугольником, являющимся структурно наиболее стабильной формой в геометрии, и вы хотите причинить кому-то боль».

«Я не знаю, как навредить кому-то, но я хочу вздремнуть», — заметил Гарри, сетуя на то, что до конца дня у него все еще есть ЗОТИ.

— Вообще-то, я собираюсь украсть твою идею, — оживленно сказал пуффендуйец, меняя образ на кого-то веселого и счастливого так быстро, что Гарри вздрогнул. — Увидимся позже, Гарри!

Гарри только пожал плечами и направился в класс DADA, прибыв всего за несколько секунд до того, как Гермиона села рядом с ним.

— Я не знаю, как ты выжил на третьем курсе, выполнив сразу пять факультативов, — сказал Гарри вместо приветствия. «Я был на одной лекции по арифмантике, и у меня разболелась голова».

— Я думала, ты читала книги летом, — обеспокоенно нахмурилась Гермиона.

— Я так и сделал, — пожал плечами Гарри. "Но книги и лекции очень

другой. Я все еще думаю, что это увлекательно, но это не так просто, как я думал

было бы. Однако «Древние руны» были потрясающими».

— Что ж, если вам понадобится помощь, дайте мне знать. У меня все еще есть прошлогодние записи, — обеспокоенно сказала Гермиона.

— Спасибо, — сказал Гарри с легкой улыбкой. «Я постараюсь выжить самостоятельно».

Вскоре появился Невилл и сел рядом с Гермионой. Гарри беспокоился, что Рон может разозлиться на мальчика, но его рыжеволосый друг вошел в комнату через секунду, смеясь вместе с Симусом и Дином.

Гарри подавил зевоту, когда они начали доставать свои книги. Он не очень хорошо спал после всей этой истории со Слизерином, а изучение древних рун и арифмантики в один день утомило его. Достаточно скоро звук дерева, падающего на пол, ворвался в комнату, и вошел профессор Грюм.

— Убери их, — прорычал он. «Сегодня вам не понадобятся эти книги».

Гермиона выглядела подавленной, а Невилл выглядел смутно напуганным. Это была не его вина; У Гарри тоже было плохое предчувствие от учителя. Возможно, это было связано с тем, что профессора DADA сознательно или нет подвергали его жизнь опасности, но это все еще оставалось в глубине его сознания.

Чувство беспокойства усилилось, когда Грюм начал выкрикивать имена в списке, его обычный

глаз был устремлен на бумагу, а волшебный глаз повернулся, чтобы встретить упомянутого ученика.

«Верно, я получил письмо от профессора Люпина по поводу ваших лекций в прошлом году», — хрипло сказал он после переключки. Гарри задавался вопросом, может ли этот человек сказать что-нибудь, не будучи грубым. «Кажется, ты сильно сосредоточился на борьбе с тёмными существами, верно?»

После бормотания согласия мужчина продолжил. «В таком случае, ты сильно отстал от проклятий, потому что никто из вас не понимает, какой ущерб волшебники могут причинить друг другу», — прорычал он в конце, глядя на свои шрамы. «В этом году, как ваш профессор, я собираюсь научить вас, как защищаться от других волшебников, которые, безусловно, являются самыми опасными существами, которых вы встретите в своей жизни».

Он резко рассмеялся над нервным выражением лиц студентов и хлопнул в ладоши.

«Мне всегда нравилось нырять с вершины. Проклятия!» — сказал он оживленным голосом, не соответствующим обсуждаемой теме. Гарри вспомнил книгу Долохова, и часть его пожелала, чтобы он снова тренировался. Он должен скоро пойти в Комнату Приходи и Уходи. «Согласно Министерству магии, я должен научить вас контрзаклятиям и на этом остановиться. Но у меня более высокое мнение о вашей силе, чем это, и Дамблдор согласен со мной. знаю, а министерских идиотов оставляю на их непрекращающееся твяканье. Как будто вы умеете защищаться, если даже не знаете, против чего боретесь, — раздраженно закончил мужчина.

"Сэр, это не темная магия?" — с опаской выпалил Рон. Гарри почувствовал желание вздрогнуть, зная, что не получит одобрения своего друга, если узнает о Долохове. Гермионе могло быть и хуже. Он посмотрел на Дафну, чтобы увидеть, как девушка тоже обменялась с ним быстрым взглядом, приподняв бровь, как будто сообщая: «Гриффиндорцы могут быть такими глупыми». Рон выглядел очень нервным, когда волшебный глаз сфокусировался на нем, прежде чем Грюм одарил его шрамами и неровной улыбкой, что каким-то образом сделало выражение лица мужчины еще более мрачным.

— Мальчик Артура, ты? Рон нервно кивнул, и Грюм рассмеялся. «Хороший человек, твой отец. Я его редко видел в последнее время, но он очень помог нам в годы войны. Ну, подумай со мной, парень. Волшебник собирается наложить на тебя незаконное проклятие. "Вы не знаете, что это может быть, потому что вы только узнали простую защиту, которую Министерство пытается навязать вам. Какие-то проклятия, которые вы не можете заблокировать магическими щитами. И что потом? Вам нужно знать, что вы" против. И вы должны убрать это, мисс Браун, когда я говорю.

Блондинка нервно запнулась и положила под стол заполненный гороскоп, который показывала Парвати. Гарри был одновременно впечатлен и обеспокоен способностью мужчины высматривать вещи, учитывая, что он даже не смотрел в сторону девушки.

«Есть две вещи, которые должен иметь каждый волшебник:

информация и постоянная бдительность! Он выкрикнул последние слова, стукнув посохом об пол, заставив класс подпрыгнуть от испуга. «Хорошо, кто-нибудь из вас знает, какие проклятия наиболее сурово наказываются магическим законом?»

Несколько рук взметнулись в воздух, но Гарри остался неподвижен, ему не нравилось, к чему все идет. Справа от него Невилл был так же неподвижен, но Гермиона, которая разделяла обоих волшебников, похоже, не возражала. Наконец Грюм указал на Рона.

— Проклятие Империиус? Думаю, мой отец уже рассказывал мне об этом, — неуверенно закончил он, когда Хмури остался равнодушным к его ответу.

— Да, — наконец ответил он с благодарностью, поглаживая подбородок длинным пальцем. «Я могу представить, что у твоего отца есть какие-то истории об этом. Доставил Министерству массу неприятностей, прежде чем мы смогли понять, как идентифицировать жертву».

Грюм закончил свою фразу, глядя Малфою прямо в глаза, заставив блондина извиваться и ухмыляться одновременно. Гарри ухмыльнулся. Все, кому не нравилась семья Малфоев, по крайней мере предварительно были в его хороших списках.

«Кто-нибудь может рассказать мне о последствиях проклятия?» — хрипло спросил он, повернувшись к зеленой доске и написав Империиус большими заглавными буквами. Когда никто не ответил, он продолжил шепотом.

«Полный контроль. Кто-то под Империиусом совершенно послушен. Да, я могу заставить тебя танцевать забавную джигу, но я также могу сказать тебе выпрыгнуть из окна. Во время войны многие волшебники и ведьмы были под Империиусом. Проклятие. Некоторые из них были хорошими людьми, вынужденными делать ужасные вещи».

Он снова сосредоточился на Малфое и брезгливо усмехнулся. «Другие не так хороши», — сказал он, прежде чем обратить внимание на класс в целом. «Ты можешь победить Империиус, и я научу тебя, как позже, но это требует силы и решимости, которые есть не у всех. Лучший способ победить любое проклятие — не попасть под него. Помните! Постоянная бдительность!»

"Что еще?" — спросил Муди после того, как он позволил комнате немного промариноваться в своей речи.

На этот раз руки подняло меньше людей, но Невилл был одним из них. Гарри посмотрел на своего друга, который выглядел нервным, но полным решимости, когда ему позвонили.

— Круциатус, — сказал он тихим голосом, которого никогда раньше не слышал от мальчика.

Грюм очень пристально смотрел на Невилла.

— Лонгботтом? — спросил он, его волшебный глаз метнулся вниз, чтобы проверить список. Невилл кивнул, и взгляд мужчины стал печальным, прежде чем он повернулся к зеленой доске и записал второе Непростительное. Когда он продолжил, его голос был необычайно тихим. «Я не могу описать эффекты Круциатуса. Он приносит невообразимую боль, зажигая одновременно все болевые рецепторы в вашем теле. Некоторые заклинания могут наносить урон, но имеют вторичное применение в законных контекстах, особенно в исцелении. используйте Империиус, чтобы остановить человека, склонного к самоубийству. Круциатус бесполезен. Его можно использовать только для пыток».

Последнее слово заставило что-то щелкнуть в голове Гарри, и он повернулся, чтобы посмотреть на Невилла широко раскрытыми глазами. Он увидел, как его друг крепко схватился за стол, его костяшки пальцев побелели от силы, а выражение его лица было хмурым и испуганным.

— О, Невилл, — прерывисто прошептал Гарри. Эти слова вывели Гермину из равновесия, и она смущенно посмотрела на Гарри, прежде чем проследить за его взглядом и посмотреть на Невилла. Она побледнела

прежде чем прикоснуться к руке мальчика, заставив его немного подпрыгнуть от удивления. Когда он увидел, что Гарри грустно смотрит на него, а Гермиона озабочена собой, он не мог ничего с собой поделать и был вынужден отвести взгляд.

Гарри пришлось закрыть глаза и устало вздохнуть. Он даже представить себе не мог, что в этот момент чувствовал Невилл. Гарри вспомнил слова Сьюзан ранее днем. Он не знал, завидовал он мальчику или жалел его, но, услышав о Круциатусе и соединив все факты, он не мог не ужаснуться. Часть его чувствовала себя отвратительно из-за чтения книги Руквуда, но Гарри уцепился за слова Грюма. Он должен был знать Темную магию, чтобы сражаться с Пожирателями Смерти.

"Последний?" — спросил Грюм, явно не глядя на Гарри. К его удивлению, позвонила Дафна, ее рука деликатно взлетела в воздух плавным движением.

— Смертельное проклятие, — сказал его светловолосый друг спокойно, внешне невозмутимо.

— Да. Авада Кедавра, — спокойно сказал Грюм. "Возможно, худшее. Определенно, самое печально известное. Никакое противозаклятье не может остановить смерть. Никакой щит не может остановить его. Вы получаете удар, вы умираете. Оно не оставляет следов. У него есть один выживший, и он сидит здесь, в этой комнате".

В прошлые разы Гарри смутился бы от такого внимания, но сейчас он мог только чувствовать, как напряглось его тело. Он вспомнил, как зеленый свет ударил в его мать, когда дементоры подошли близко и увидели, как она падает. Смерть его родителей крутилась у него в голове уже много лет, неоднократно мучая его воображение, но после прошлого года Гарри больше не нужно было удивляться. Образы повторялись в его голове, и он чувствовал ярость, печаль и другие более темные вещи, которые он хранил безымянными, чтобы они не поглотили его и не украли его личность. Впервые после разговора с Салазаром он понял, что имел в виду, когда знал, что овладеет окклюменцией. Гарри знал, что эти темные чувства были частью его самого, но попытка усвоить их нанесла бы большой ущерб. «Мы называем их Непростительными как таковые по многим причинам, но главная из них заключается в том, что они не могут быть использованы случайно. Чтобы наложить любое из этих проклятий, вы должны иметь это в виду. Не так много заклинаний требуют сильных эмоций. чтобы они сработали, но эти три — некоторые из них. Вы должны хотеть доминировать, чтобы наложить Империиус, вы должны хотеть мучить, чтобы наложить Круциатус, и вы должны хотеть убивать, чтобы наложить Смертельное проклятие. Вот что ты против, — сказал Грюм тихим голосом, который никак не рассеял напряженную атмосферу в комнате. «Магия — замечательная вещь, но вы можете использовать ее для многих вещей, и не все в этом мире хорошие люди. Может быть, вы проживете всю жизнь, не беспокоясь о том, что вы можете стать целью одного из этих трех проклятий, но это ставка, которую вы не должны принимать вслепую. Опять же, всегда проявляйте постоянную бдительность

!"

После очередного периода молчания мужчина кивнул сам себе. — Вы уволены. Поттер, Лонгботтом, оставайтесь.

Гарри обменялся обеспокоенным взглядом с Невиллом, но перестал собираться. Гермиона обеспокоенно посмотрела на него, и даже Дафна казалась слегка заинтригованной, проходя мимо них.

Какой это был день, и он даже не закончился.

<http://tl.rulate.ru/book/62719/3191388>